

Вине Меир

**ИГРА НА ТРОИХ.
ИЛИ КАК Я ОБРУЧИЛАСЬ
С БУДУЩИМ КОРОЛЕМ...**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М45

Меир В.

М45 Игра на троих. Или как я обручилась с будущим королем... / Вине Меир – М.: Литнет, 2026. – 390 с.

ISBN 978-5-521-98501-2

Я — Эйвелин Леверье, дебютантка первого сезона, и моя обязанность проста: блистать на балах, ловить восхищённые взгляды и выбрать достойного мужа. Мой отец, барон Гердеоний Леверье, уже составил список претендентов, а матушка мысленно выставила из отчего дома, но судьба, кажется, имеет на меня иные планы. На балу в честь первого выхода в свет, я впервые увидела их — Крон-принца Луи-Август де Вальмона и его брата-близнеца, Тириона, который предложил мне место подле короны. Что же получается? Один — наследник престола, холодный и недостижимый. Другой — его тень, с улыбкой, от которой кровь стынет в жилах, а истории о нем заставляют поражаться тому, насколько можно низко опуститься. И оба из правящей династии вампиров... Теперь мне предстоит не только играть по правилам высшего общества, но и разгадать тайны королевской семьи, где каждый шаг — ловушка, а чувства — опасная роскошь. Смогу ли я сохранить сердце и рассудок в этой игре, где ставка — моё будущее? Светский роман с интригами, запретными чувствами и борьбой за власть. Ну или типа того...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98501-2

© Литнет, 2026
© В. Меир, 2026

Глава 1

Имя моё – Эйвелин Леверье. Дочь барона Гордеония Леверье, наследница древнего, но слегка потускневшего рода, что верой и правдой служит короне уже не одно столетие. Наши мужчины – советники, казначеи, офицеры гвардии, те, кто держит в своих руках нити управления государством, те, чьи имена вписаны в историю королевства золотыми буквами. Наши женщины – жёны герцогов, графини, фаворитки при дворе, те, кто шепчет на ухо монархам, кто управляет светскими салонами, кто держит в своих руках не меньше власти, чем их мужья.

И сегодня мне исполнилось восемнадцать.

А это значит только одно – впереди меня ждет бал дебютанток, где меня заметит тот самый, тот, кто решит мою судьбу, тот, кто станет моим будущим, моим именем, моим положением в этом мире.

Но есть одно печальное «но»: в этом году – розово-голубые тона.

Я стою перед зеркалом в своей комнате, вглядываясь в отражение, пытаюсь разглядеть в нём ту самую Эйвелин Леверье, которая должна покорить сердца, а не вызвать насмешки.

Золотистые локоны уложены на голове в высокую причёску, открывающую вид на аккуратную тонкую шею, ту самую, которую обычно так любят воспевать поэты нашего времени. Небесно-голубые глаза подчеркивает нежный макияж, выделяя в особенности их, и только лишь немного тени на губах, придавая им объема. Платье, сшитое на заказ у самой мадам Дюваль, облегает стан, подчёркивая хрупкие плечи и тонкую талию. Корсет, туго затянутый горничной, оставляет лишь ровные, мелкие вдохи, будто напоминая, что даже дыхание должно быть изящным, а шелк, расшитый серебряными нитями, переливается при свете канделябров, как перламутр.

Но мне кажется, что оно делает меня похожей на перезрелую

розу – слишком ярко, слишком нарочито, слишком... отчаянно. Решать самой у меня пока права нет, так что я могу только терпеть.

В прошлом году моей старшей на год сестре Лауре повезло больше: бал был в синем. Идеальный цвет, чтобы подчеркнуть её аристократически-бледную кожу и зеленые глаза, те самые, что сводили с ума поклонников. После к ней выстроилась целая толпа желающих породниться, но она объявила о своем желании обучаться в академии при дворе, чтобы стать еще более полезной обществу. Как пощечина для матери. Она до сих пор кусает губы при этих словах, будто каждый раз заново переживает тот позор. Ох, сколько же было слухов! Даже пришлось закончить бальный сезон раньше и покинуть столицу, отправившись в родовое поместье на востоке.

К слову, двумя годами ранее был бежевый. Здесь уже повезло Мартине. От природы огненно-рыжие волосы на фоне бежевого были как маяк в темную ночь, как сигнал, который невозможно не заметить. Её взяли замуж меньше чем через месяц после бала. Тут уж матушке на радость, еще через почти год она понесла наследника.

– Эйвелин, ты готова?

Дверь распахнулась без стука, вырывая меня из размышлений. Ну конечно, зачем стучать, да? Это же моя комната, но, видимо, мои границы – это всего лишь условность.

Мать входит, поправляя кружевные перчатки, те самые, что стоили больше, чем месячное жалование нашего садовника. Её темно-зелёное бархатное платье шуршит при каждом шаге, а высокий шиньон огненно-рыжего цвета, украшенный жемчужной нитью, делает её осанку ещё более горделивой, ещё более... недосягаемой.

Её взгляд зеленых глаз скользит по моему наряду (ткань для которого она выбирала самолично), и я заметила, как её губы слегка дрогнули. Да, Мартина была копия мама (и не только внешне, рожать детей она заимела привычку от нее, потому что они уже ждали

второго). А мне достались волосы и глаза отца. Ну, не буквально, конечно же, но достаточно, чтобы это было заметно.

– Да, матушка, – коротко отвечаю ей я, стараясь не выдавать дрожь в голосе.

– Не сутулься, – она резко подошла и выпрямила мне спину ладонью между лопаток, будто я была куклой, которой нужно придать правильную форму. – И не сжимай веер так, будто он тебя оскорбил. Веер – это твоё оружие. Им ты покажешь своё отношение к разговору, желаешь ли ты его продолжения, или предпочтёшь воздержаться...

Я разжимаю пальцы. Резная кость веера уже оставила красные отметины на коже, напоминая, что даже в безобидных вещах может скрываться боль.

– Простите.

– Сегодня вечером за тобой будут следить все, – её голос звучит тихо, но каждое слово врезается, как нож. Это не просто наставления – это приказы, – Ты – предпоследняя незамужняя Леверье. На тебя смотрят не только как на девушку, но как на последнюю надежду породниться с нашим родом.

Ну да, а между строк я читаю: «Не подведи меня как Лаура».

– Есть еще Клодин, – коротко подмечаю я, будто пытаюсь переложить часть ответственности на младшую сестру.

– Она еще дитя. Многое может измениться за это время. Так, что я говорила? Спину ровно!

И я снова выпрямляюсь, как солдат перед смотром.

Бал дебютанток – это не просто праздник.

Это аукцион. Нам вдалбливают это с малых лет.

И сегодня я – главный лот.

– Да, матушка... простите, – проговариваю я, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу.

Не прошло и минуты, как дверь снова распахнулась – на этот раз с таким оглушительным грохотом, что хрустальные подвески люстры зазвенели, как испуганные колокольчики.

– Ого! Вот так цвет!

Клодин влетает в комнату как ураган, её босые ноги шлепают по паркету, а рыжие кудри, ещё не укрощённые горничными, пляшут вокруг веснушчатого лица, будто живые и не желают подчиняться никому на свете. Она кружит вокруг меня, прищулив голубые глаза, словно торговец на рынке, оценивающий подозрительно дорогой товар.

– Тебе точно не повезло в этом году, – она фыркает, тыча пальцем в переливчатый розовый шелк, который казался теперь ещё ярче, ещё насыщеннее, ещё нелепее на фоне её насмешливого взгляда. – Выглядишь, как торт на именинах у герцогини де Монро. Может, даже останешься старой девой! – добавила она.

Я стискиваю зубы так, что челюсть заныла, но не поддаюсь на провокацию, и не даю ей удовольствия увидеть, как её слова ранят меня. Клодин было всего четырнадцать, и она ещё не осознавала всей серьёзности ситуации, не видела дальше собственного носа. Через четыре года она сама окажется на этом проклятом аукционе, затянута в корсет, в платье, которое выберут за неё, под взглядами мужчин, которые будут смотреть на неё, как на очередную фамильную драгоценность – оценивая блеск, чистоту и возможную прибыль, словно она всего лишь вещь, предмет торгов, а не живой человек.

– Спасибо за поддержку, – сухо произношу я, натянуто улыбаясь, стараясь сохранить хоть каплю достоинства. – С радостью посмотрю на тебя в будущем, когда тебя нарядят в лимонно-жёлтое или, боги храни, оранжевое. – добавляю я так ядовито, что даже сама удивилась.

– Ладно, не злись, – она ухмыляется, явно довольная своей дерзостью и умением выводить меня из себя. – Просто представь, как смешно будет, если тебя никто не пригласит на танец. Весь вечер стоять у колонны, как забытый букет!

Мать, до этого молча наблюдавшая за нашей перепалкой, подала свой голос:

– Клодин, довольно! – как удар хлыста, резко, неожиданно, безжалостно.

Сестра вздрогнула, но не сдалась – лишь подняла подбородок, как всегда делала, когда знала, что переступила черту, но не хотела признавать поражение.

– Иди, готовься к ужину, – продолжает мать, – И не забудь, то, что мы возвратимся поздно, не значит, что можно лечь попозже. Все новости – утром.

Клодин скорчила рожицу, но, почувствовав, что игра зашла слишком далеко, послушно выскользнула за дверь, оставив за собой лишь лёгкий, едва уловимый запах яблочного варенья – видимо, стащила что-то с кухни перед тем, как ворваться ко мне. Ну точно маленький воришка, не способный устоять перед сладким.

Мать вздыхает, закрыв глаза на секунду, собираясь с терпением, будто пытаюсь успокоить бурю внутри себя, а затем подходит ко мне и поправляет шпильку в моей причёске.

– Не обращай внимания. Она ещё ребёнок, – говорит она, уже тысячу раз повторяя эти слова. Меня это будто должно успокоить. Ей четырнадцать. И уже давно было пора понять, что она не ребенок, а будущая леди.

Нас с сестрами растили как солдат. Ты должен быть безупречен во всем. Завидую ли я Клодин? О, еще как! Ей позволялось все! Маленькая проказница, которую так долго ждали. Конечно, матушка хотела бы больше сына, хоть одного, но бог не даровал. Зато отец нас очень любит! Хоть и бывает слишком часто в разъездах.

– Она права, – произношу я, глядя в зеркало, в своё отражение. Розовый шелк действительно кажется теперь почти пошлым, – Розовый – это провал.

Мать резко сжимает мои плечи, её пальцы впились в кожу сквозь тонкую ткань, а прикосновение было одновременно болезненным и успокаивающим.

– Не говори глупостей, – её голос становится тише, уверен-

нее, – Ты – Леверье. Ты красива, воспитана, и за твоей спиной – триста лет верной службы короне. Сегодня вечером тебя обязательно заметят.

Я хотела спросить: А если нет?

Но не стала.

Потому что ответ был написан в истории нашей семьи: неудачниц, не вышедших замуж до двадцати трех, отправляли в монастырь, подальше от глаз, подальше от позора, подальше от всего, что делало жизнь жизнью.

А я не хочу заканчивать, как тётя Марго.

Дивелин Леверье

Глава 2

Бальный зал сияет, словно гигантская шкатулка, наполненная драгоценностями. Хрустальные люстры, подвешенные к расписному потолку, бросают тысячи бликов на отполированный до зеркального блеска паркет, а оркестр в углу играет что-то томное и сладкое, как марципан, – мелодию, под которую так удобно шептаться и строить козни.

Гости кружатся в танце, их шёлковые платья и расшитые камзолы сливаются в пестром калейдоскопе. Дамы прячут улыбки за веерами, кавалеры оценивающе скользят взглядами по молодым дебютанткам – товару, выставленному на ежегодный брачный аукцион.

Я стою у колонны, обвитой золотыми гирляндами, стараясь не привлекать внимания. Моё розовое платье, казавшееся таким ярким в спальне, здесь теряется среди изумрудных, лазурных и пурпурных нарядов.

«Как хорошо, – думаю я. – Пусть все смотрят на герцогиню де Шанталь, прошлогоднюю дебютантку, в её ослепительном серебре или на графиню де Бовэ, дебютировавшую еще годом ранее с Мартиной, с её знаменитыми сапфировыми подвесками. Лишь бы не на меня.»

Но судьба, как всегда, оказалась ко мне неблагосклонна.

– Мадемуазель Леверье.

Голос прозвучал прямо за моей спиной, и я едва не вздрогнула. Обернувшись, я увидела графа де Монтескье – высокого, как кипарис, с холодными серыми глазами и улыбкой, которая не достигала взгляда. Он часто бывал у нас в гостях, обсуждая с отцом дела и иногда бросая на меня оценивающие взгляды.

– Позвольте пригласить вас на танец, – он склонил голову, и свет люстры скользнул по его тщательно напомаженным тёмным волосам.

Я знаю, что это не просто жест вежливости. Граф был одним